



Г Е Р О И

ПРЕДСТАВИМ себе на минуту, что мы ничего не знаем об итальянском актере Витторио Гассмане. Представим себе это и будем смотреть вначале концерт, а потом и фильм с его участием. Что откроет нам эта двукратная встреча? И откроет ли что-нибудь сверх того, что обычно открывают подобные вечера? Интересно — не интересно, способный — не способный, в форме — не в форме... Сможем ли мы добавить что-нибудь к этим, едва ли не традиционным определениям? Да, сможем. Более того — обязаны.

Концерт открылся «Персами» Эсхила. Потом был Шекспир — «Гамлет», потом Анджело Беолко — его трагикомическая сцена «Ветеран», потом «Вилла Глория» Чезаре Паскарелла, «Человек с цветком во рту» Пиранделло и, наконец, «Растраченная жизнь» Данило Дольчи. Можно было бы не называть всех номеров программы и всех ее авторов, если бы в выборе вещей ясно не обозначилась определенная идея. Эта идея не служила самопрокламе. Менее всего Гассман, кото-

рого многие помнили по «Войне и миру», где он играл Анатоля Курагина, был озабочен тем, чтобы предстать перед публикой ослепительной кинозвездой. Не было никакой самодемонстрации — было самораскрытие, в котором красноречивым посредником выступал не только талант артиста, но и его представление о назначении таланта.

Теперь уже, пожалуй, время сказать, что программа концерта была тематически обозначена. «Герои» — вот что вынесено в ее заголовок, и заголовок этот достаточно полемичен по отношению к многим явлениям современного западного искусства. Речь идет не о пристрастии Гассмана к определенным формам — Шекспира вряд ли спутаешь с Пиранделло; речь идет о пристрастии к определенным мыслям, что гораздо более важно.

Театр для Витторио Гассмана — это нечто грандиозное; это ни больше, ни меньше, как своеобразное зеркало истории, в которое глядятся великие. Но эти великие (он думает о великих писателях, о великих философах) не отдалены от народа. У них одна основа, и они всегда поймут друг друга — стоит только вслушаться, стоит только открыть смысл происходящего. Гассман и его театр (он руководит Национальным народным драматическим театром) и выступают в роли таких проповедников.

Со словом «проповедь» всегда связано нечто нравоучительное. Искусство Витторио Гассмана ничего общего с нарочитым нравоучительством не имеет. Оно ярко, открыто, темпераментно; оно блистательно и виртуозно; оно приподнято и театрально.

Трудно говорить о трактовке «Гамлета» — было показано всего несколько сцен, но можно говорить о человечности образа, о полном отсутствии позы, об откровенности, с которой на сцену выносятся все мучающие героя вопросы. Эта откровенность никого не корбит, она не фамильярна, она воспринимается как знак полного доверия к зрителю. Особенно явственно этот принцип доверия проступает в кино. В «Походе на Рим» (Гассман выбрал именно этот фильм для своей первой встречи с советскими зрителями) актер играет труднейшую роль. Его герой из тех, кто, напялив черную рубашку и горланя фашистский гимн, идет маршем на Вечный город. Но между началом пути и концом его к плутозатому и простоватому, нахальному и беспомощному перед истинными трудностями жизни человеку приходит понимание. Это не духовная зрелость, не умственное прозрение — нет, это просто народный здравый смысл, который восстает против лжи и насилия, против убийства и морального растрепывания.

Картина знаменательна и для режиссера Дино Ризи, и для актера Витторио Гассмана. Это опять зеркало истории, в которое пристально всматривается человек, стремящийся осознать мир.

Остается только добавить, что Витторио Гассман в Советском Союзе впервые, что он выступит в Москве и Тбилиси и что он очень хочет приехать к нам вместе со своим театром.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

На снимке: Витторио Гассман в «Персах» Эсхила.